

Вопрос о реальном историческом прототипе знаменитого былинного богатыря Алёши Поповича неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако, на мой взгляд, он остаётся вполне актуальным и по сей день, хотя бы в силу противоречивости сделанных по нему выводов.

Круг источников по данной проблеме довольно узок. Фактически, можно использовать лишь цикл былин об Алёше Поповиче, ряд летописных известий, и некоторые данные археологии. Причём самые ранние из доступных письменных источников датируются XV в. и, соответственно, отстоят от объекта исследования весьма далеко.

Летописные сообщения об Александре Поповиче неоднократно привлекали для своей работы исследователи русских былин. Собственно, отождествление Александра Поповича, упомянутого в Тверской летописи, и былинного Алёши Поповича принадлежит Л.Н. Майкову. Оно было поддержано также В.Ф. Миллером, который, в частности, писал: «... за преданием об Александре Поповиче должно признать историческую основу и думать, что сказания о нём возникли историческим путем и личность его историческая»¹. Такие учёные как Костомаров, Халанский, Квашнин-Самарин, Хаткевич, также считали доказанным существование исторического прототипа Алёши Поповича. Следует, однако, отметить, что большинство учёных конца XIX – начала XX вв. относились к летописям некритично, считая, что в них вполне точно описывались реальные исторические события прошлого. В 1949 г. Вышла работа Д.С. Лихачёва «Летописные известия об Александре Поповиче», в которой автор пришёл к следующему выводу: «Что же касается вопроса о том, какое историческое лицо явилось прототипом для былинного Александра Поповича, то старшие летописи не дают никаких оснований для ответа на этот вопрос. Поздние летописи включают рассказы об Александре Поповиче, почерпнутые из былин, а не из действительности, и отражают лишь важные для нас факты истории сюжетосложения былин об Александре Поповиче»².

Б.А. Рыбаков, предполагавший существование прототипов практически всех героев былин, отождествлял Алёшу Поповича сразу с двумя летописными героями: Ольбегом Ратиборовичем, дружинником Владимира Мономаха, участвовавшим в убийстве половецкого хана Итларя, и ростовским храбром Александром Поповичем, попутно отметив, что «Очевидно, слияние двух героев в один былинный образ Алёши Поповича произошло действительно фольклорным путём в позднейшее время»³.

Таким образом, в литературе на данный момент существуют три основные точки зрения по рассматриваемому вопросу:

- 1) историческим прототипом Алёши Поповича был упомянутый в Тверской летописи «ростовский храбр» Александр Попович;
- 2) исторический прототип Алёши Поповича невозможно найти;
- 3) образ Алёши Поповича сложился на основе нескольких исторических прототипов.

Третий вариант, на мой взгляд, кажется более предпочтительным.

Наиболее полный рассказ об Александре Поповиче присутствует в Тверской летописи 1534 г. В других русских летописных сводах – Новгородской IV, Софийских I и II, Воскресенской, Ростовской архивной, Академической Суздальской, Ермолинской, Типографской, Никоновской летописях, Рогожском летописце, Хронографе 1512 г. и иных, – также есть упоминания о ростовском храбре Александре Поповиче. Следует отметить, что все вышеназванные летописи относятся к числу поздних, составленных в XV–XVII вв. В дошедших до нас ранних русских летописях, упоминаний об Александре Поповиче, или Алёше Поповиче, нет вовсе. Однако сам по себе этот факт отнюдь не является поводом для того, чтобы признать все сообщения поздних летописей недостоверными. Нередко в поздних летописных сборниках можно встретить вполне точную информацию, отсутствующую в ранних летописях. Так, например, в Типографской летописи конца XV в. содержится ряд, безусловно, достоверных сообщений о Ростове XIII в., отсутствующих в Лаврентьевской летописи начала XIV в.

Итак, в Тверской летописи читаем: «Бе некто отъ Ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бе у него именемъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юриевичу, повнегда же дасть князь великий Всеволодъ градъ

Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александръ начать служити Костантину»⁴. Как видно из этого фрагмента, Александр Попович жил в конце XII – начале XIII вв. и служил великому князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу (Большое Гнездо), а затем его сыну, ростовскому князю Константину Всеволодовичу. В большинстве былинных текстов об Алёше Поповиче, как уже было сказано выше, также отмечается его ростовское происхождение. Он «сын старова попа соборного»⁵ «попа Леонтия сын Ростовского»⁶. Впрочем, в вопросе отчества единства в былинах нет. Имеются, например, записи, в которых он назван «Алёша Попович сын Иванович»⁷ и т.д.

Автор Тверской летописи, явно будучи неплохо осведомлён в топографии Ростова и округи, (что неудивительно, поскольку он сам называет себя «ростовским селянином»), сообщает далее по тексту также и о «месте жительства» былинного героя – это «город, обрыть подь Гремячимъ колодяземъ на реце Где, иже и ныне той сопъ стоитъ пусть»⁸.

А.Е. Леонтьев нашел археологическое подтверждение легенде Тверской летописи о существовании «города» Александра Поповича близ Ростова⁹.

«Гдой» раньше называлось нижнее течение реки Сары, впадающей в озеро Неро. Там, как показали раскопки, на месте древнего мерянского Сарского городища, в XIII в. действительно существовало укрепленное русское поселение. Есть и ещё ряд признаков, по которым можно утверждать, что место, о котором идёт речь в летописи, располагалось именно здесь. «Гда – река спокойная, равнинная, протекает по низменности, окружающей оз. Неро. На всем её протяжении нет ни одного городища, кроме Сарского, как нет ни одного «сопа», пригодного для расположения укрепленного поселения. Есть около Сарского городища и родник, к которому очень подошло бы название «Гремячий»: вода из него с шумом спускается по камням к реке. Он находится на противоположном левом берегу излучины Сары»¹⁰.

Военные подвиги Александра Поповича связаны с длительной войной за владимирский престол между Константином Всеволодовичем и его младшим братом Юрием Всеволодовичем, разгоревшейся после смерти Всеволода Юрьевича: «Костантинь гневашеся на брата о княжении, а князь великий Юрий многы браны на Костантина въздвиже, хотя съ Ростова съгнати его, и не попусти ему Господь»¹¹. Александр Попович остался верным своему князю и, по легенде, принял в этой войне активное участие: «князь великий Юрий стоаше подь Ростовомъ, въ Пужбале, а войско стояше за две версты отъ Ростова, по реце Ишне, биахуть бо ся вместо острога объ реку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юриа избиваше, ихже костей накладены могилы великы и доныне на реце Ишне, а инии по ону страну реки Усии, много бо людей бяше съ великимъ княземъ Юриемъ; а инии побииени отъ Александра же подь Угодичами, на Узе те бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами Пречистыа»¹². Этот фрагмент летописного текста вызвал язвительное замечание Д.С. Лихачёва: «Под «храбрыми» «описание», очевидно, понимает Александра Поповича и слугу его Торопа. Дружину «описание» не упоминает; очевидно, Александр Попович один со своим слугою обороняет Ростов, лично совершая какие-то богатырские подвиги, свидетельством чего «и до ныне» стоят великие могилы, полно наложенные костями врагов»¹³.

Однако если посмотреть на приведённый фрагмент несколько иначе, то почти ничего сказочного в нём нет. Реалии XIII в. вполне позволяли одному профессиональному тяжеловооружённому конному воину уничтожить или обратить в бегство десяток-другой хуже подготовленных и вооружённых бойцов, например ополченцев или младших дружинников. «Как и в большинстве европейских стран, основной ударной силой войск русских княжеств служила тяжёлая бронированная конница. Несмотря на некоторые внешние отличия, тяжеловооружённая дружина по многим параметрам – весовым и функционально-защитным показателям вооружения, социальному составу и др. – соответствовала западноевропейскому рыцарству»¹⁴.

Кроме того, в данном случае просто персонифицируются действия группы людей в действиях её лидера. Таким же образом, например, в описании битвы на Липице 1216 г., содержащемся в Лаврентьевской летописи, приводится следующий эпизод: «Князь Мстиславъ проехавъ ? трижды ? сквозе полкы княжи Юрьевы ? и Ярославли секучи люди бе бо оу него топоръ с

паворозою на руке»¹⁵. Здесь тоже нет упоминания о дружине, однако она явно подразумевается.

Вообще говоря, боевая биография ростовского богатыря впечатляет. Есть в ней, помимо прочего, и такой эпизод: «Единою выиде на него (Юрия – Д.М.) изъ Ростова Костантинь, и бысть имъ бой на реце Гзе, и тамо победи Костантинь, молитвами Пречистыа, своею правдою и теми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бе и Тимоня Золотой поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юрята, о семъ велми опечалися князь великий Юрий»¹⁶. Война закончилась в 1216 г. знаменитой битвой на Липице, в которой ростовский князь Константин в союзе с Мстиславом Удатным победил своих братьев Юрия и Ярослава и в которой, по летописным известиям, погибло более 9000 человек (цифра по тем временам весьма внушительная). Александр Попович участвовал и в этой битве: «У князя же у Костантина тогда бяше въ полку два человека храбрых, Олешка Попович и человекъ его Торопъ, и Тимоня Золотой поясъ»¹⁷, причём, Тверская летопись связывает с его именем гибель боярина Юрия Всеволодовича – Ратибора.

После победы Константин Всеволодович стал владимирским князем и помирился со своими братьями. Однако правил он недолго и в 1218 г. умер. После смерти Константина новым великим князем стал Юрий Всеволодович, опасаться мести которого у Александра Поповича были все основания: «Видевъ же Александръ князя своего умрѣша, а Юриа седша на столе, рамышляше о животе, еда како отдасть мѣщение князь великий, Юрята ради, и Ратибора и инехъ мнозехъ отъ дружины его, ихже изби Алекса(н)дръ»¹⁸. В итоге, согласно летописи, Александр Попович вместе с некоторым количеством ростовских воинов также, по всей видимости, чересчур отличившихся в вышеупомянутой междоусобице, ушёл из Ростова и поступил на службу к киевскому князю: «Ту бо събравшеся съветъ сътвориша, аще служити начнуть княземъ по разнымъ княжениямъ, то и не хотя имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроение и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Киеве»¹⁹.

Последнее летописное упоминание об Александре Поповиче относится к событиям 1223 г. – битве на реке Калке, первом крупном столкновении русских с монголами. Ростовский богатырь погиб в этом сражении: «... убиша Александра Поповича, а с ним богатырей семьдесят и людей множество»²⁰.

Д.С. Лихачёв считал все сообщения поздних летописных сводов об Александре Поповиче легендарными, основанными на устных источниках. Это утверждение основывается на трёх основных аргументах:

- 1) упоминаний об Александре Поповиче нет в ранних русских летописях;
- 2) упоминаний об Александре Поповиче нет в Ростовской летописи, вошедшей в Лаврентьевский список;
- 3) упоминаний об Александре Поповиче нет в наиболее ранних и достоверных рассказах о битве на Калке.

Однако при ближайшем рассмотрении эти аргументы выглядят не столь убедительно. Сохранившиеся до наших дней литературные произведения – это менее одного процента от всего написанного в Киевской Руси. Книги гибли в войнах, пожарах, уничтожались по ветхости. Один только пожар Москвы 1812 г. уничтожил огромное количество рукописей «...в его огне погибли, по крайней мере, 13 рукописных коллекций, находившихся в частном владении или вошедших в собрания ведомственных, учебных и научных учреждений, только в трёх из которых насчитывалось свыше 640 рукописных книг»²¹.

Из трёх древнейших русских летописных списков – Новгородской I летописи в Синодальном харатейном списке XIV в., Лаврентьевской летописи XIV в. и Ипатьевской летописи начала XV в., Новгородская летопись интересуется прежде всего делами собственно новгородскими, Ипатьевская – южными, и лишь Лаврентьевский список относительно подробно повествует о Владимиро-Суздальских землях. Следовательно, в том, что в Новгородской и Ипатьевской летописях нет упоминаний об Александре Поповиче, нет ничего удивительного, поскольку подробности жизни Владимирской земли были вне пристального интереса летописцев. Что же до ростовского летописания, то оно «...возникло при сыне Всеволода Большое Гнездо,

Константине, который начал его в 1206 г. в Новгороде как личное летописание, а с 1207 г., став ростовским князем, продолжал его как летописание собственно ростовское. После смерти Константина в 1218 г. оно продолжалось его сыновьями и непосредственно выполнялось ростовской епископской кафедрой»²². Позднее ростовская летопись частично вошла в состав Лаврентьевского списка, и «...в Лаврентьевской летописи за годы 1207–1239 идут ростовские летописные записи, несущие в себе типические черты ростовского летописания...»²³. Таким образом, Лаврентьевская летопись в описании событий интересующего нас периода фактически цитирует летопись Ростовскую, и в ней, как уже отмечено выше, упоминаний об Александре Поповиче тоже нет. Однако, как совершенно справедливо отмечает сам Д.С. Лихачёв, «Летописание же в XIII в., как и в XII, и в XIV, и в XV вв., было только официальным»²⁴. И, будучи таковым, редко содержало подробности происходивших событий. Да и изначальные события освещались в них с одной, далеко не всегда объективной точки зрения. Так, читая Лаврентьевский список, довольно трудно понять, а были ли вообще серьёзные военные столкновения между Константином и Юрием Всеволодовичами до Липецкой битвы. Видимо, эти события Лаврентьевской летописью просто замалчиваются. Причины тому были – братья в итоге помирились, отношения между Юрием и сыновьями Константина установились вполне хорошими. У Василька Константиновича Ростовского тоже не было особого повода положительно относиться к Александру Поповичу. С уходом последнего на службу в Киев молодой князь лишился одного из лучших бойцов отца и значительной части опытных ростовских воинов, что отнюдь не способствовало укреплению военной мощи княжества. И, следовательно, упоминания об Александре Поповиче в Ростовской летописи могли быть не особенно подробными, а могли и вовсе отсутствовать. Кроме того, вся Ростовская летопись, явно не вошла в Лаврентьевский сборник, автор которого отбирал из доступных ему источников нужные на данный момент материалы, произвольно сокращая их и изменяя. Автор же Тверской летописи вполне мог иметь в своём распоряжении летописные свидетельства, не вошедшие в состав Лаврентьевского сборника. Однако наиболее реальным представляется то, что автор Тверской летописи пользовался как письменными источниками, так и устными. Причём, устным источникам, бывшим в его распоряжении, вполне можно доверять. Память о временах наивысшего расцвета Ростовской земли могла сохраниться и через 300 лет после княжения Константина Всеволодовича. Подтверждением такой точки зрения может быть тот факт, что свидетельства Тверской летописи об Александре Поповиче ставят его в исторически очень точную ситуацию – князь Константин Всеволодович, князь Юрий Всеволодович, князь Мстислав Мстиславич Удатный, Липицкая битва и т.п. Здесь нет присущей былинам размытости и неопределённости, нет хронологической путаницы, напротив – «описание», вошедшее в состав Тверской летописи, выглядит вполне правдоподобным.

Д.С. Лихачёв справедливо отметил тот факт, что в ранних сообщениях о битве на Калке упоминаний об Александре Поповиче нет. Но это сражение было событием неординарным, в нем погибли многие южнорусские князья, в том числе и князь киевский со своим ближайшим окружением, среди которого наверняка было множество представителей старых боярских родов Киева. Потому совершенно закономерно то, что в летописных сообщениях даётся лишь список погибших князей, столь массовые потери среди которых были в то время фактом из ряда вон выходящим. Если посмотреть на летописные тексты с этой точки зрения, то вполне закономерно и отсутствие в них упоминания о гибели Александра Поповича. Действительно, если летописцы не упоминают поимённо никого из погибших представителей киевской боярской верхушки, то почему особое внимание должно уделяться ими вполне заурядной, с их точки зрения, фигуре одного из недавно пришедших на службу в Киев северных бойцов?

Разумеется, полностью доверять тексту Тверской летописи, впрочем как и любой другой, нельзя. Так, например, вызывает серьёзное сомнение следующий момент: «Александръ же выходя многы люди великого князя Юриа избиваше, ихже костей накладыны могыли великы и доныне на реце Ишне, а инии по ону страну реки Усии ...»²⁵. Едва ли, при тогдашней численности армий, в рядовой в общем-то битве были возможны столь высокие потери. Кроме того, данные о гибели в битве на Калке Александра Поповича «съ инеми седмьдесятиу храбрыхъ»²⁶, также сомнительны, слишком сказочной в данном случае выглядит цифра 70.

Таким образом, кратко обобщая всё выше сказанное, можно сделать следующий вывод: в XIII в. на ростовской земле действительно жил «храбр» Александр Попович, ставший

впоследствии одним из исторических прототипов былинного русского богатыря Алёши Поповича. Содержащиеся в Тверской летописи сообщения об Александре Поповиче вполне заслуживают доверия и являются ценным письменным источником средневековой истории Ростова.

Якорь: #prim

1. Цит по: Лихачёв Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ Т. 7. М.-Л., АН СССР. 1949. С. 318.
2. Там же. С. 352. В разное время темой Алёши Поповича занимались и ростовские краеведы – А.Я. Артынов, А.А. Титов, М.Б. Сударушкин. Они также придерживались мнения о реальности существования исторического прототипа Алёши Поповича. Основываясь на народных преданиях и таких мифических источниках, как Ростовский Хлебниковский летописец и Рукопись стольника Мусина-Пушкина, А.А. Титов связывал с именем Алёши Поповича несколько населённых пунктов вокруг Ростова (Алёшино, Алёшкино, Сабурово и др.). Интересно отметить тот факт, что Алёша Попович, в изложении А.А. Титова, выступает то как богатырь времён Владимира Святого, то как участник княжеской междоусобицы XIII в. В свою очередь М.Б. Сударушкин, в статье «Князья и богатыри» (Сударушкин М. Путешествие во времени из Ростова в Ярославль. Ярославль, 2004. С. 42.), выдвинул версию, согласно которой Алёша Попович жил не в XIII, а в X в. и являлся современником Владимира Святославича.
3. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. М., 1963. С. 107.
4. Тверская летопись. ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. С. 342.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 203.
6. Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин. М. 1974. С. 180.
7. Алеша Попович и Тугарин Змей. М., 1974. С. 194.
8. Тверская летопись. С. 342.
9. Леонтьев А.Е. «Город Алёши Поповича» в окрестностях Ростова Великого // Вестник МГУ. № 3. М., 1974. С. 95.
10. Там же. С. 95.
11. Тверская летопись. С. 342.
12. Там же.
13. Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986. С. 319.
14. Васин П.А. Тяжёлая боярская конница // PARA BELLUM. № 5, 1998. С. 10.
15. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Л. 224 об.
16. Тверская летопись. С. 342.
17. Там же. С. 323.
18. Там же. С. 342.
19. Там же.
20. Там же.
21. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1985. С. 47.
22. Лихачёв Д.С. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986. С. 319.

- 23. Там же. С. 321.
- 24. Там же. С. 322.
- 25. Тверская летопись. С. 336-338.
- 26. Там же. С. 342.